

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВЕКОВ

УДК 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-7-16

ОБРАЗ НЕМЕЦКОГО КУРОРТА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ЗА РУБЕЖОМ»

С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск

Введение. Представлен ранее почти не исследованный в литературоведении и актуальный для имагологии материал, характеризующий пространственные образы немецких курортных городов Бад-Эмса и Баден-Бадена в путевых заметках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». *Цель работы* – выявление мотивов, использованных автором для изображения указанных городов. *Материал и методы.* В исследовании используются сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный, культурно-исторический, структурно-семиотический методы. *Результаты и обсуждение.* Установлены такие характеристики маркированного немецкостью художественного пространства, как упорядоченность, ахронность, порочность и миражность жизни в границах указанных локусов. Особое внимание уделено лейтмотиву внутренней несвободы, посредством которого формируется образ Германии, единый для всех типов пространства в произведении. Также обнаруживается, что в описании Бад-Эмса и Баден-Бадена сквозным образом для автора выступает, в соответствии с терминологией В. Н. Топорова, образ города-блудницы, который накладывается на образы немецких курортов и маркирует трансформацию эротического начала в сфере товарно-денежных отношений. При этом текст «падшего города», проникнутый христианскими аллюзиями, проступает в путевых заметках М. Е. Салтыкова-Щедрина сквозь тривиальную реальность бюргерской Германии. Таким образом, интертекст города-блудницы оказывается одним из связующих звеньев, маркирующих сходство курортного и столичного типов немецкого пространства в путевых записках М. Е. Салтыкова-Щедрина. Кроме того, выявлено, что в курортных фрагментах щедринского текста, наряду с антропными, описываются также природные локусы («горные выси»), которые создают пространственную и одновременно социальную оппозицию «долинным», приземленным во всех смыслах пространствам человеческого бытия. *Заключение.* Полученные в ходе исследования результаты расширяют литературоведческие представления об особенностях пространственной образности в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и увязывают созданные сатириком немецкие образы с общей традицией описания Германии и немцев в русской литературе XIX – начала XX столетий. Материалы исследования могут быть полезны для преподавателей курса русской литературы XIX века, а также для специалистов, работающих в рамках литературоведческой имагологии.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, русская литература XIX века, Германия, образ Чужого, образ города-курорта, мотив, художественное пространство, локус, сатира.

Введение

Образ Чужого в той или иной форме всегда присутствует в культуре, служа неким подобием «зеркала», в котором отражается и идентифицируется Свое. По сути, данная оппозиция лежит в основании системы культурных идентификаций. В настоящее время наблюдается повышение интереса к проблеме взаимоотношений Своего и Чужого, или Другого, о чем свидетельствует выделение в гуманитарном знании имагологии как особой области научных исследований инонациональных образов (примерами здесь служат работы Х. Дизеринка [1], Б. Нойманн [2], М. Швидерска [3], Й. Леерссена [4]). При этом значительное внимание авторы уде-

ляют проблематике пространственности, маркируемой связью с Другим (исследования Б. Филиппа и Р. Хуберта [5], Б. Вестфаля [6]).

Если же говорить о русской культуре, то здесь весьма значимым вариантом Чужого выступает немецкость, что обусловлено значительными контактами между русскими и немцами. Получив свое воплощение в том числе в русской литературе, этот инонациональный элемент, в свою очередь, стал предметом литературоведческого анализа. Так, в Германии появились работы М. Мюнтгес, Д. Бодена [7, 8], среди российских исследователей данной проблематики можно назвать О. Б. Лебедеву и А. С. Янушкевича, С. В. Оболенскую и других [9–

12]. Кроме подобных общих штудий, существует огромное множество статей и монографий, посвященных немецкой теме в творчестве отдельных русских писателей, например, М. Гиголашвили [13], У. Даннеман [14], С. И. Зенкевич [15], Н. В. Константиновой [16] и др.

В то же время следует отметить, что маркированные немецкостью образы в творчестве одних авторов (например, И. С. Тургенева или Ф. М. Достоевского) изучены лучше, чем в произведениях других представителей отечественной литературы. В частности, путевые заметки М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом», названные С. А. Макашиным «одной из великих русских книг о Западе» [17, с. 528], не так часто рассматривались в литературоведении. Представленная в первой части произведения немецкая тема анализировалась, наряду с прочими вопросами, в исследованиях С. А. Макашина и И. Л. Порошковой [17, 18]. Сопоставление инокультурных образов в щедринском тексте с образами, созданными другими русскими писателями, встречается в работах С. В. Оболенской и О. Н. Туманова [10, 19]. Однако немецкость в путевых заметках Салтыкова-Щедрина как предмет исследования представлена относительно подробно лишь в статье У. Вирвас [20]. Но и в данной работе образы немецких курортов не рассматриваются, поскольку автор считает, что «...при описании последних на первом плане стоят жизнь и поведение русских „культурных людей“, образованных бездельников...» [20, с. 475] (перевод с немецкого наш. – С. Ж.). Позволим себе не вполне согласиться с данным утверждением. По нашему мнению, «курортный» эпизод путевых заметок тесно связан с другими частями немецкого фрагмента. В этом эпизоде повторяются и частично трансформируются важные мотивы, касающиеся представления Салтыковым-Щедриным образа Германии в целом. Анализ этих мотивов и является целью данного исследования.

Материал и методы

Материалом исследования служат путевые заметки М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом», в частности, фрагмент, посвященный путешествию по Германии. Среди используемых в работе методов следует назвать сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный, культурно-исторический, структурно-семиотический.

Результаты исследования и обсуждение

Говоря о репрезентации немецкости в рамках пространства курортных городов (Бад-Эмса и Баден-Бадена), следует иметь в виду две особенности. Первая заключается в отношении Салтыкова-Щедрина к немецким курортам. Как указывает

С. А. Макашин, «почти до полувека своей жизни „западник“ Салтыков не бывал за границей, да и не стремился туда» [21, с. 7], представляя Запад «лишь книжно, теоретически» [21, с. 8]. Но более всего писателю был чужд сведенный до физиологического уровня образ существования курортников, что подчеркивается с первых страниц путевых заметок: «...во время процесса самосохранения, всякая забота, всякое напоминовение о покинутом деле и даже „мышление“ вообще – считаются не *kurgetmaess* и препятствуют солям и щелочам успешно всасываться в кровь» [22, с. 7]. Именно поэтому лишь по настоянию врачей писатель выехал в Германию, но и там мнение свое о немецком курорте не переменял: так, в письме из Эмса Н. К. Михайловскому он жалуется, что в этом месте «облегчение» чувствует «...малое, а тоску – большую» [23, с. 162]. В путевых заметках описание курортного пространства также окрашено преимущественно в негативные тона. Так, автор сообщает, что его «на берега вонючего Лана» принесла «нелегкая» [22, с. 10], и рассуждает о «щемящей боли» «сердца», «...которая зародилась где-нибудь на берегах Иловли и по пятам пришла... к самой подошве Мальберга» [22, с. 9]. Встречается в тексте и мотив тоски, которая, по сути, уподобляет не находящего себе места за рубежом русского человека увиденному повествователем в берлинском зоологическом саду «чимпанзе», «до того угнетенному» «...тоской по родине, что даже предлагаемое в изобилии молоко не утешает его» [22, с. 8]. Также образ немецкого города обозначается как пространство заключения, ограничения свободы. Это касается как Берлина [24, с. 128], так и «лакейских городов», где «...на всяком перекрестке стоят динстманы, пактрёгеры и прочий подневольный люд...» [22, с. 60], а пациенты вынуждены следовать распоряжениям докторов «...надобно гулять! <...> Обменивайте вещества!» [22, с. 8], о чем подробнее будет сказано ниже.

В связи с «курортными» фрагментами щедринских заметок отметим также мотив коммуникативного барьера между вояжерами и жителями посещаемой страны. Этот мотив, например, выступает источником комического в травестийной поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею...», которая находилась у истоков смехового варианта литературного путешествия русского человека в Западную Европу. Но М. Е. Салтыков-Щедрин отвергает сюжетный ход с языковым барьером («разностью в языке»), замечая, что «...для культурного человека это неудобство легко устранимое...», но подчеркивает одиночество русского за границей из-за барьера культурно-исторического, поскольку «...здесь, в долине Лана, <...> ее [боль сердца – *авт.*] давно уже пере-

жили (может быть, за несколько поколений назад), да и на бобах развели» [22, с. 9], т. е. прошли по тому историческому пути, по которому, согласно представлениям писателя, России еще предстояло пройти. Кстати говоря, не испытывают языкового барьера и Мальчик без штанов (русский крестьянин) и Мальчик в штанах (немецкий кнехт) в онирическом пространстве сна рассказчика. Их противоречия культурные, а не языковые. Первый, например, не понимает, как можно не охранять вишни в саду, а второй – как можно взять чужое или что значит слово «постреленок», поскольку немецкому мальчику в голову не может прийти огорчить своих родителей.

Вторая особенность немецкого курортного пространства заключается в том, что оно не вполне немецкое. Если из описанного сатириком Берлина «...людям до смерти хочется куда-то убежать» [22, с. 50], то немецкие курорты, «лакейские города» в щедринском определении, созданы для времяпрепровождения «наезжего люда», «в общей массе» которых «...и русские, по распоряжению медицинского начальства, посвящают себя нагуливанию животов» [22, с. 59]. Сходное описание Баден-Бадена, в котором не отмечается ничего немецкого, дает и Курдюкова в мятлевской поэме: «...Тут собрался целый мир из всех концов Европы...» [25, с. 159], «У многих ничего никогда и не болело <...> не доктора, не воды, но одно влечение моды всем в Бад-Баден кажет путь – хоть бы лопнуть, да блеснуть!» [25, с. 161–163].

Роднит, однако, и Берлин, и «лакейские города» в щедринском тексте мотив театральности. Если в пространстве немецкой столицы прусские офицеры изображают храбрых героев, бюргеры – «*gamins de Paris*» [22, с. 54] и в целом наблюдается «отсутствие непоказной жизни» [22, с. 51], то в курортных локусах притворством охвачены и иностранцы: здесь царит «кажущаяся жизнь», «исполненная кажущихся поступков, кажущихся разговоров и даже кажущегося леченья» [22, с. 69]. По аналогии с тем, как в эпизодах с сельским пространством Восточной Пруссии, где Салтыков-Щедрин сначала создает образ немецкой идиллии с чертами Аркадии, а потом деконструирует его, курортные локусы «мимикрируют» под райский хронотоп вечной жизни, не являясь им на самом деле. Низведение существования до физиологического уровня, отказ от духовных усилий и представлений о дурном есть лишь травестия адамического состояния до грехопадения. «Лакейские города» – это лже-парадиз, в котором «никакие Kraenchen и Kesselbrunnen» «не дадут» человеку «аридовых веков» [22, с. 11]. Отметим внутри курорта и локус питьевого источника (Kraenchen) в качестве пространства соблазнения-притворства: «Самая плохая да-

мочка», обладающая мало-мальски привлекательной частью тела (здесь Салтыков-Щедрин доводит физиологизацию описания до гротеска, дегуманизируя образ человека путем „усекновения“ телесности до отдельных частей), «...заранее разочтёт, какое положение ей следует принять во время питья Kraenchen, чтоб именно эту часть тела отрекомендовать в наиболее выгодном свете» [22, с. 8]. Здесь Салтыков-Щедрин трансформирует христианский сюжет, описывая пространство курортов как место искушения мнимой вечностью: «...если бы и действительно глотание Kraenchen, в соединении с ослиным молоком, способно было дать бессмертие, то и такая перспектива едва ли бы соблазнила меня» [22, с. 11], что позволяет, руководствуясь классификацией В. Н. Топорова, отнести щедринское повествование о «лакейских городах» (как и описание Берлина [24, с. 132]) к типу текста города-блудницы [26]. В этот мотивный ряд порочности курорта вписаны различные образы, например, проститутки и ее неприкрыто грубого клиента, рязанского землевладельца, на чьем лице «...написано: наплюю я на эти воды, закачусь на целую ночь в Линденбах, дам Доре двадцать пять марок в зубы: скидывай, бестья, лишнюю одёжу... служи!» [22, с. 63]. Сюда же относится описание рафинированной «бонапартистки», которую «не интересует» «ни книга (за исключением порнографической литературы), ни картина (за исключением порнографических фотографий), ни пейзаж (за исключением порнографических *cabinets particuliers*)» [22, с. 68], а также альфонса-обер-кельнера, «завитого белокурого детины», следящего за русской «старушкой» в кургаузе и за свои услуги получающего перстень, «украшенный крупной бирюзой» [22, с. 64]. «Физиологичность» курортного пространства обнажает обычно скрываемую маргинализируемую сексуальность, которая подается как товар.

Но не только возникновением «других» поведенческих правил, отличных от общепринятой морали европейского общества («приличий» буржуа), отмечен локус курорта, города-блудницы. Он амбивалентен по своей сути, что подчеркивается самим автором, пишущим об «официальной» и «неофициальной привлекательности» курортов: «Официальная... заключается в целебной силе их водяных источников и в обновляющих свойствах воздуха окружающих гор; неофициальная – в том непрерывающемся празднике, который неразлучен с наплывом масс досужих и обладающих хорошими денежными средствами людей» [22, с. 59]. Как видим, природное (и утилитарно-целительное) начало в рамках курортного пространства противопоставлено антропному (и карнавальному). Кроме того, локус имеет два „лица“: летнее и зимнее. Зимой это «ряд наглухо заколоченных отелей и въез-

жих домов» [22, с. 59], т. е. нечеловеческое пространство, фантазмагорически мортальное: «...зимой немецкий курорт превращается в сказочную долину, по которой разбросаны посещаемые привидениями дома и в которой не видно никаких признаков человеческой деятельности, кроме прилежной вывозки нечистот, оставленных щедрыми летними посетителями» [22, с. 59]. Лишь образ нечистот маркирует (опять-таки на грубом, физиологическом уровне) связь локуса с антропным пространством, а характеристика «прилежная» – с немецкостью как упорядочивающим элементом. Переклочение из области мифопоэтического в сферу рационализированных стереотипов происходит также за счет обращения к мотиву немецкой экономности: владельцы курортных домов зимой уютятся «в конурах ради экономии в топливе» [22, с. 60]. Сказочное пространство становится прозаически-филистерским, типажно-немецким, поскольку в русской литературе скупость немцев является устойчивой описательной характеристикой.

«Летний» же облик немецкого курорта, города-оборотня, связан с карнавальностью. С одной стороны, это пространство жизни: «летом» курорт «...превращается в гудящий пчелиный улей» [22, с. 59]. Кстати, через данный образ Париж маркируется автором как город жизни («гул», «напоминающий пчелиный улей» «...слышится... всегда – в Париже...» [22, с. 50]), а Берлин, где этого признака нет – как город смерти. Хронотоп курорта соразмерен также природному времени: «...с наступлением весеннего тепла курорт начинает закипать, и чем больше подвигается время в глубь лета, тем гуще и гуще раздается пчелиное гудение вокруг курзала и бесчисленных табльдотов, простирающих свои объятия наезжему люду» [22, с. 60]. Пространство жизни маркируется также посредством одушевления вещного мира: табльдоты «простирают» объятия, курзал «приободряется» [22, с. 60].

С другой стороны, карнавальность подразумевает некую экспрессивную чрезмерность и дихотомию будничного и праздничного элементов, что актуализируется через оппозицию «официальности – неофициальности»: «Официальная привлекательность курортов заключается в целебной силе их водяных источников и в обновляющих свойствах воздуха окружающих гор; неофициальная – в том непрерывающемся празднике, который неразлучен с наплывом масс...» [22, с. 59]. К этому добавляется мотив карнавального безумия как нарушения норм поведения обыденного мира: «Чувствуется, что в воздухе есть что-то ненормальное, что жизнь как будто сошла с ума...» [22, с. 60]. Кроме того, образ обезличенных толп отдыхающих связывается со стихийной водностью («наплыв масс» [22, с. 59]; «...с наступлением весенне-

го тепла курорт начинает закипать...» [22, с. 60]).

Двусоставность образа курортного пространства (летнего и зимнего) обуславливает возникновение мотива превращения: город «...превращается в гудящий пчелиный улей» [22, с. 59]; «всякий частный дом превращается в Privat-Hotel»; «Курзал расцветивается флагами и фонарями самых причудливых форм и сочетаний; лужайки около него украшаются вычурными цветниками с изображением официальных гербов...» [22, с. 60]. Но постоянно переключаясь с лирического на сатирический «регистры», Салтыков-Щедрин показывает будничность немецкий «задник» карнавальной сцены: Privat-Hotel напоминает «невзрачную провинциальную русскую гостиницу (к счастью, лишённую клопов)»; постельное белье является «дерюгой»; «нелепые подушки» «расползаются при первом прикосновении головы»; хозяева домов «...переходят в еще более тесные конуры ради прибытка...» [22, с. 60].

Переход с лирического на сатирический тон, с мифопоэтической на повседневную образность реализуется и в такой характеристике немецкого курортного хронотопа, как замкнутость временного цикла. Вообще, немецкий локус в русской литературе нередко определяется через «ахронность» и «закрытость» [11, с. 84]. Эти черты в определенной степени свойственны в щедринском тексте и пространству немецкого курорта, «миниатюрного, живописно расположенного городка» [22, с. 59]. Закрытость характеризует в большей степени «зимний» локус, который, будучи лишен иностранцев, становится по-настоящему немецким, но проявляется и в «летнем» существовании немцев-владельцев отелей, перебирающихся в «еще более тесные конуры» [22, с. 60]. Ахронность как характеристика локуса остается, однако, константой. С одной стороны, она реализуется через вписанность времени курорта в вышеупомянутый природный цикл весны – лета – зимы. С другой стороны, летнее карнавальное существование туристов, на первый взгляд, хаотическое, регулируется достаточно жестким немецким порядком. Занятия отдыхающих докторами-немцами делятся на «kurgemaess» и «не kurgemaess» с поблажками для разнообразия только для телесных, но не умственных действий. Медицинский распорядок сводится к регулярному выпиванию воды и хождению, обмениванию «веществами» [22, с. 60]. Утренние и вечерние гуляния также предполагают один и тот же маршрут: «Перед вами Altes-Schloss, потом Eberstein-Schloss, потом Rothenfels. Выбирайте любое! А завтра будет Rothenfels, Eberstein-Schloss, Altes-Schloss...» [22, с. 68]. Это приводит к стиранию временных границ: «...утрачивается даже ясное сознание времен дня» [22, с. 9]. Итак, автор изображает ахрон-

ный гомогенный антропный локус, который одинаков по своим пространственно-временным характеристикам в любой точке и объекты которого, соответственно, не имеют значимых индивидуальных свойств. Та же ахронная упорядоченность касается существования немецкой obsługi, занятой постоянным трудом и придерживающейся своего места в курортной иерархии: «...все кругом испокон веков намуштровано и теперь само собой так укладывается... Пактрёгеры не спотыкаются, не задевают друг друга, но степенно двигаются, гордые сознанием, что именно они, а не динстманы призваны заменять ломовых лошадей; динстманы не перебивают друг у друга работу, не кричат взапуски...»; «...соседние деревни, не покладывая рук, доят коров, коз, ослиц и щупают кур...» [22, с. 60]. Тем самым карнавальное безумие тоже оказывается миражным, внешним, подчиненным внутреннему немецкому регламенту: «...чем больше живешь и вглядываешься, тем больше убеждаешься, что, несмотря на всякие ненормальности, никаких „историй“ нет...» [22, с. 60].

Как видим, при внешнем несходстве в описании курортное пространство в щедринском тексте функционально напоминает локус Берлина, что фиксируется через мотив непрекращающегося механического движения; в курортных городах наблюдается «однообразие маятного движения» [22, с. 9], в немецкой столице же «одно непрерывное и молчаливое маятное движение» [22, с. 50]. В этом образе заключается высмеиваемая сатириком суть «лакейских городов», которые выступают как механизмы по извлечению денег из иностранцев.

Образ немца-лакея гипертрофируется, разрастается до «армии лакеев», «лакейской толпы», «привлеченной» «сюда со всех концов Германии надеждой на иностранный тринкгельд» [22, с. 60]. Эта «лакейность» пронизывает все пространство курорта: «...в кургаузе, около источников, появляются дородные вассерфрау <...> на всяком перекрестке стоят динстманы, пактрёгеры и прочий подневольный люд, пришедший с специальною целью за грош продать душу...» [22, с. 60]. Сравните с мотивом продажи души за «грош» родителями Мальчика в штанах: «...в контракте, ими заключенном, сказано ясно: господин Гехт дает грош, а родители мои – душу» [22, с. 40]. Вспомним также обер-кельнера, внимание которого в обмен на перстень «покупает» «eine hochwohlgeborene russische Dame» [22, с. 64]. Упоминание «надежды на тринкгельд» также объединяет локус немецкого курорта с пространством Берлина, где «расчет на тринкгельд» и «не может быть» «большого хода свободе» [22, с. 54].

Вообще, внутренняя несвобода немцев является лейтмотивом германского фрагмента путевых заметок. Кнехты добровольно продают душу за

грош, бюргеры лебезят перед прусскими офицерами в Берлине, и в курортном пространстве наблюдается сходный сюжетный элемент собственного закабаления, тюрьмы разума, о которой иронически замечается: «...еще более благо тем [странам – авт.], которые, отбыв время кутузки, и ныне носят ее в сердцах благодарных детей своих. <...> сто крат блаженнее тот, который, видя кутузку лишь очами духовными, продолжает веровать в незыблемость ее руководящих свойств» [22, с. 61]. В аллегорической манере М. Е. Салтыков-Щедрин контаминирует образы людей (немцев) и животных (лошадей), а также властей предрержащих и извозчиков, подчеркивая внутреннюю связь между ними на основании механизма подчинения: «...немецкая лошадь почти совсем не знает кнута, но она знает „историю“ кнута и потому при первом щелканье бича бежит вперед, не выжидая более действительных понуждений» [22, с. 61]. Вспомним также образ пактрёгеров, «гордых сознанием», «...что именно они... призваны заменять ломовых лошадей» [22, с. 60]. Далее происходит еще большее смешение звериного и антропного элементов: «...как просто было б управлять людьми, если б, подобно немецким пактрёгерам, все поняли, что священная обязанность человека в том заключается, чтоб, не спотыкаясь и не задевая друг друга, носить тяжести...» [22, с. 61]. Превращение человека (пактрёгера) в лошадь есть не просто низведение духовного начала до телесного, но и рационалистическое и систематическое превращение телесного начала путем наказания в полезную и управляемую силу. Когда собственно наказания уже не требуется, немец (на уровне условного рефлекса) становится функцией: «Пускай немецкие извозчики щелкают бичами по воздуху... Пускай немецкие динстманы носят кутузку в сердце своем...» [22, с. 61]. Подобно воздействию на лошадь щелкающего в воздухе кнута, на повествователя производит впечатление появление в курзалах Баден-Бадена и Эмса берлинских офицеров, вызывающих чувство страха («...мне делалось жутко...»), который рождается не из возможности наказания («Не потому жутко, чтоб я боялся, что офицер кликнет городского...»), а из обозначения персонажем-немцем своего вышестоящего места в иерархии подчинения («...он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой!») [22, с. 52]. Вспомним также идею надзирающего паноптизма, выраженную в образе «недремлющего ока» офицера-«героя», бдящего за поведением «смирного и скромного колбасника»-бюргера [22, с. 53].

Здесь можно обратиться к проведенному М. Фуко анализу феномена дисциплины на Западе, трактуемой как «...искусство ранга и техника пре-

образования размещений. Она индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает... их распределение и циркулирование в сети отношений» [27, с. 213]. Иногда это распределение связано с «отгораживанием», т. е. «спецификацией места», «отличного от всех других и замкнутого в самом себе» [27, с. 206]. В этом плане традиционная закрытость немецких локусов в русской литературе получает в щедринском тексте новую огласовку, контаминируется с образом тюрьмы. Сравните с ироническим описанием башни, «...в которой, по преданию, Карл Великий замуровал свою дочь (здесь все башни таковы, что в каждой кто-нибудь кого-нибудь замучил или убил...)» [22, с. 11]. Но принцип «отгораживания» в пространстве «...не является... необходимым... в дисциплинарных механизмах», которые «...прорабатывают пространство много более гибким и тонким образом» [27, с. 208]. Стены тюрьмы в немецких локусах, описываемых Салтыковым-Щедриным, становятся неосязаемыми («кутузка в сердце»), а наказание – виртуальным (знание «„истории“ кнута») или обозначаемым (щелканье бичами по воздуху). В результате перед нами на примере трех типов пространств (аграрные локусы, столица, «лакейские города») предстает картина тотального подчинения, механизации жизни, где каждый знает собственное место в иерархии государственной машины и послушно исполняет свою функцию.

Образ башни с замурованной дочерью Карла Великого может быть интерпретирован по-другому. Так, О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич, анализируя поэму Мятлева, указывают на некую инерцию литературной традиции, выражающейся «в выборе объектов описания» и переосмыслении такой «константы романтического первообраза Германии», как «немецкий ландшафт» [10, с. 120]. Салтыков-Щедрин, далекий от романтизма писатель, однако, прибегает к приему романтического двоемирия, сталкивающего природное и человеческое, изображая два противопоставленных друг другу локуса: «вершину *Schöne Aussicht*» и *Линденбах* [22, с. 69]. В описании первого исподволь прорывается романтическое восхищение природой, возведенной в культ: «... с вершины *Schöne Aussicht* видны *Siebengebirge* и стальная полоса Рейна, ...там благоухает сосна...» [22, с. 69]. *Линденбах* же – профанный локус, противопоставленный вершине на ольфакторном уровне («провонял кухонным чадом») и маркированные тривиальным образом «просторного ресторана» [22, с. 69]. Еще одно противопоставление сакральной (романтической) вершины и филистерской низины исподволь проступает в сцене беседы повествователя с бесшабашными советниками Удавом и Дыбой на курорте: «...оглянулся кругом. ... с одной стороны

высится Мальберг, с другой – Бедерлей, а я ... стою в дыре и рассуждаю с бесшабашными советниками <...> И так мне вдруг сделалось совестно...» [22, с. 75]. Величественный горный пейзаж служит своего рода переключателем сознания с обыденной, миражно-курортной позиции пространственной и духовной «дыры» двоемыслия в истинное состояние, в котором можно откровенно заявить: «Какие вы, однако ж, глупости говорите, ваши превосходительства!» [22, с. 75].

Заключение

В результате исследования была установлена связь образов немецких городов-курортов в путевых заметках М. Е. Салтыкова-Щедрина с традицией описания немецкого пространства в русской литературе. Так, если в травелогах рубежа XVIII–XIX веков изображение немецких земель склоняется к идиллии с обращением к аркадским мотивам [28, с. 54], то к концу столетия, в связи с созданием новой единой державы, политическим «ядром» которого выступает Пруссия, Германия уже воспринимается в отечественной культуре как «оплот милитаристов» [9, с. 165]. В связи с этими общими изменениями идиллическая ахронность родового локуса у М. Е. Салтыкова-Щедрина трансформируется в функционально-механистическую повторяемость в рамках регулярного государства, в котором каждый индивид имеет свое четко определенное место. «Лакейские города» в тексте заметок выступают одним из вариантов такого пространства. Здесь, по сути, мы имеем дело с новым вариантом такой типажной характеристики немецкости, как упорядоченность, обращение к которой происходит на протяжении всего века: и у предшественников М. Е. Салтыкова-Щедрина, например Н. В. Гоголя, и у его современников (Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова) [29, с. 152–153]. Во множестве произведений пространство немцев-филистеров ахронно, не подвержено изменениям. Однако особенностью щедринского изображения Германии является вложение в ироническое описание «добрых немцев»-обывателей не просто социального, но конкретно-политического критического содержания. Автор смеется именно над «новой» Германией, в которой упорядоченность жизни достигла наивысшего, по мнению писателя, расцвета и которая из-за этого стала напоминать казарму. С акцентированием этого момента в изображаемом пространстве связан лейтмотив тотальной несвободы. Он объединяет все три типа локусов, описываемых М. Е. Салтыковым-Щедриным в «немецком» фрагменте заметок: аграрные локусы Восточной Пруссии, столичный Берлин, курортные города. Эта несвобода имеет как внешние проявления (отношения между кнехтами и господином Гехтом,

между берлинскими бюргерами и прусскими офицерами-«героями» во главе с императором Вильгельмом, между курортными лакеями и иностранцами-отдыхающими), так и внутреннюю природу (готовность немца подчиняться порядку в лице власти регулярного государства). Тема внутренней «тюрьмы» разума и соблюдения «невидимых» границ, упорядочивающих социальное пространство, является предметом размышлений писателя-сатирика, порождаемых наблюдениями за жизнью людей в Германии. Показательно, что именно в изображении курортных городов этот момент добровольной кабалы артикулируется наиболее четко. М. Е. Салтыков-Щедрин последовательно раскрывает его, начиная со сцены продажи кнехтами своих душ в обмен на грош и заканчивая насмешкой над курортными лакеями, продающими свои души за тринкгельд.

Упомянутый образ чаевых трактуется писателем в расширительном смысле и связан с лейтмотивом купли-продажи. В пространстве щедринской Германии, где главенствуют прусские офицеры (политическая власть) и бюргеры-грюндеры (экономическая власть), все становится объектом коммерческих отношений, включая свободу, человеческую самость (душу) и сексуальность. Здесь концепция общественного договора искажается, подвергается своеобразной травести, когда немцы отчуждают всю свою свободу целиком в обмен на блага сытой и бестревожной жизни (виртуальные или реальные). Тем самым подвергается смысловой «эрозии» сам образ ахронного «уютного» немецкого локуса, который, будучи переведенным из бытового плана в политический, теряет свою привлекательность, начинает восприниматься извне (т. е. русским наблюдателем) как тюрьма. Тотальный характер купли-продажи в немецком пространстве закономерно актуализирует образ проститутки и далее, путем метонимического переноса, – города-блудницы, который характеризует и Берлин, и курортные локусы. Именно в последних коммерческая и одновременно физиологическая сторона сексуальной жизни выходит на первый план, поскольку жизнь курорта вертится вокруг телесного начала («нагули-

вания животов» [22, с. 59]), а значит, все проявления телесности здесь особенно выражены.

Наконец, третьим сквозным смысловым элементом в заметках является мотив театральности, когда всякий объект немецкого пространства имеет «двойное дно» и кажется не тем, чем является. Так, под чистотой и ухоженностью прусской деревни скрывается жесткая эксплуатация, под весельем берлинских бюргеров – стремление подражать французским буржуа, под геройством офицеров – милитаризм, а под карнавальным праздничной суетой курортной жизни – тщательно отлаженный механизм по извлечению средств из туристов. Сатирик раз за разом срывает с изображаемых им явлений «маски», обнажая их истинную суть.

Кроме того, специфической пространственной оппозицией, которая встречается лишь в «курортных» фрагментах текста, является «природный пейзаж – антропо пространство города-курорта». «Деми-природные» сельские локусы Пруссии нельзя, на наш взгляд, отнести к чисто природному пространству, поскольку их характеризует именно упорядочивающее воздействие человека. В рамках же курорта горные и, соответственно, имманентно горные, связанные с вечностью локусы противопоставлены долинно-городским, антропным (суетным и сиюминутным). Даже лицемерие сакрального «верха» отвращает автора от забот профанного «низа», заставляя посмотреть на него отстраненно. Это естественное и свободное пространство, однако, возникает в тексте лишь эпизодически и не служит достаточным пространственным «противовесом» несвободному антропному пространству Германии в произведении.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют расширить представления об особенностях пространственной поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина, более четко «встроить» созданные писателем образы Германии в общую канву описаний немецкости в русской литературе XIX – начала XX веков, а также охарактеризовать особенности изображения автором Чужого и роль последнего в проблематике Своего.

Список литературы

1. Dyserinck H. Von Ethnopsychologie zu Ethnoimagologie: über Entwicklung und mögliche Endbestimmung eines Schwerpunkts des ehemaligen aachener Komparatistikprogramms // *Neohelicon*. 2002. XXIX. 1. P. 57–74.
2. Neumann B. Towards a Cultural and Historical Imagology // *European Journal of English Studies*. 2009. Vol. 13, № 3. P. 275–291. DOI: 10.1080/13825570903223491
3. Świdarska M. Comparatist Imagology and the Phenomenon of Strangeness // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. Vol. 15, is. 7. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb>. DOI: 10.7771/1481-4374.2387
4. Leerssen J. Stranger/Europe // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2017. № 9, 2. P. 7–25. DOI: 10.1515/ausp-2017-0014
5. Philippe B., Hubert R. Imaginaire de l'espace et constructions identitaires. L'espace frontalier Meuse-Rhin entre nationalisme et internationalisme chez Josef Ponten et Friedrich Markus Huebner (1920–1940) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 2013. T. 91. Fasc. 4. Histoire médiévale, moderne et contemporaine Middelleeuwe, moderne en hedendaagse geschiedenis. P. 1239–1258. DOI: 0.3406/rbph.2013.8489

6. Westphal B. Geocriticism. Real and Fictional Spaces / Transl. by R. T. Jr. Tally. London: Palgrave Macmillan, 2011. 192 p.
7. Müntjes M. Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1971. 136 s.
8. Boden D. Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum. München; Wien: Günter Olzog, 1982. 106 s.
9. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.
10. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. 276 s.
11. Жданов С. С. Национальность героя как элемент художественной системы (немцы в русской литературе XIX века). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 132 с.
12. Папилова Е. В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2014. 136 с.
13. Гиголашвили М. Немецкие мотивы в романах И. С. Тургенева // Филол. вестник Ростовского ун-та. 2002. № 2. С. 19–25.
14. Даннеман У. Изображение немцев в творчестве Чехова: деконструкция стереотипов // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. Вып. 2 / под ред. В. Б. Катаева, Р.-Д. Ключе. М.: «Лев Толстой», 1996. С. 11–18.
15. Зенкевич С. И. Немцы в изображении Н. С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2005. С. 331–338.
16. Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филол. журн. 2014. № 4. С. 126–133.
17. Макашин С. А. За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. С. 527–555.
18. Порошкова И. Л. Путевые очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» в русской литературе путешествий // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина / под ред. М. Г. Булахова, И. Т. Ищенко. Минск: Изд-во БГУ, 1975. С. 29–53.
19. Туманов О. Н. Деятельность русских писателей и публицистов по формированию отношения российского общества к Западной Европе (конец XIX – начало XX века). М.: Типография «ЦМИК», 2010. 236 с.
20. Wirwas U. Der Knabe in Hosen und der Knabe ohne Hosen. Deutsche und Russen aus der Sicht des Satirikers Michail Saltykov-Ščedrin // Deutsche und Deutschland aus russischer. Sicht 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Herrmann. München: Wilhelm Fink, 2006. S. 459–487.
21. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М.: Художественная литература, 1989. 527 с.
22. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. 704 с.
23. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 19, кн. 1. 240 с.
24. Жданов С. С. Образ Берлина в путевых заметках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Научный диалог. 2018. № 7. С. 125–137.
25. Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан п'этранже. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 2. 357 с.
26. Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.
27. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
28. Жданов С. С. Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского) // Сибирский филол. журн. 2018. № 2. С. 53–66. DOI: 10.17223/18137083/63/5
29. Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник СГУГиТ. 2015. № 2. С. 151–163.

Жданов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий (ул. Плеханова, 10, Новосибирск, Россия, 630108). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13.07.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-7-16

IMAGE OF GERMAN HEALTH RESORTS IN THE TRAVEL NOTES BY M. YE. SALTYSKOV-SHCHEDRIN “ZA RUBEZHOM”

S. S. Zhdanov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

Introduction. The article deals with spatial images of the German resort towns Bad-Ems and Baden-Baden in the travel notes by M. Ye. Saltykov-Shchedrin “Za rubezhom”. This issue is still practically unresearched in literature studies and highly actual for imagology. *Aim and objectives.* The aim of the paper is detecting motives used by the writer for representing the towns in his work. *Material and methods.* The methods of the research are comparative and descriptive analysis, cultural-historical and semiotic methods. *Results.* The author of the research detects such characteristics of the literary space marked with Germanness as order, achronism, corruption and theatricalism of the life within the analysed

loci. The special attention is paid to the core motif of the inner unfreedom by which the image of Germany unique for all kinds of German space is formed in the work. It's also settled that the cross-cutting urbanistic image is according to the typology by V. N. Toporov the image of the 'whore'-city influencing the images of the German resort towns and marking transformation of the erotic element in the sphere of goods/money relationships. Thus the text of the 'fallen' city imbued with Christian references shows throw the trivial reality of the philistine Germany in Saltykov-Shchedrin's work and is as an intertextual base one of connecting links between images of the German resort towns and the capital Berlin. In addition the writer represents not only anthropic but also natural loci of mountain spaces forming a dimensional and simultaneously a spiritual opposition to the valley-space of the human existence earthbound in all senses. *Conclusion.* The results expand literary conceptualization about space images in Saltykov-Shchedrin's works and connect German images created by the writer with the common tradition of representing Germany and Germans in the Russian literature of XIX – the early XX centuries. The article can be useful for Russian literature teachers and specialists dealing with literary imagology.

Key words: *M. Ye. Saltykov-Shchedrin, Russian literature of the XIX century, Germany, image of Alien, image of resort towns, motif, literary space, locus, satire.*

References

1. Dyserinck H. Von Ethnopsychologie zu Ethnoimagologie: über Entwicklung und mögliche Endbestimmung eines Schwerpunkts des ehemaligen aachener Komparatistikprogramms. *Neohelicon*, 2002, no. XXIX, 1, pp. 57–74.
2. Neumann B. Towards a Cultural and Historical Imagology. *European Journal of English Studies*, 2009, vol. 13, no. 3, pp. 275–291. DOI: 10.1080/13825570903223491
3. Świdarska M. Comparatist Imagology and the Phenomenon of Strangeness. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2013, vol. 15, iss. 7. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb>. DOI: 10.7771/1481-4374.2387
4. Leerssen J. Stranger/Europe. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2017, no. 9, 2, pp. 7–25. DOI: 10.1515/ausp-2017-0014
5. Philippe B., Hubert R. Imaginaire de l'espace et constructions identitaires. L'espace frontalier Meuse-Rhin entre nationalisme et internationalisme chez Josef Ponten et Friedrich Markus Huebner (1920–1940). *Revue belge de philologie et d'histoire*, 2013, t. 91, fasc. 4. Histoire médiévale, moderne et contemporaine. *Middelleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis*, pp. 1239–1258. DOI: 0.3406/rbph.2013.8489.
6. Westphal B. *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. Transl. by R. T. Jr. Tally. London: Palgrave Macmillan Publ., 2011. 192 p.
7. Müntjes M. *Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II*. Meisenheim am Glan, Anton Hain Verlag, 1971. 136 s.
8. Boden D. *Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum*. München, Wien, Günter Olzog Verlag, 1982. 106 s.
9. Obolenskaya S. V. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (nineteenth century)]. Moscow, IWH RAS Publ., 2000. 210 p. (in Russian).
10. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2000. 276 s.
11. Zhdanov S. S. *Natsional'nost' geroya kak element khudozhestvennoy sistemy (nemtsy v russkoy literature XIX veka)* [Nationality of a character as an element of the fictional system (Germans in the Russian literature of XIX century)]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2012. 132 p. (in Russian).
12. Papiłova Ye. V. *Nemtsy glazami russkikh v khudozhestvennoy slovesnosti XIX veka* [Germans through the eyes of Russians in fiction of the XIX century]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 136 p. (in Russian).
13. Gigolashvili M. Nemetskiye motivy v romanakh I. S. Turgeneva [German motives in I. S. Turgenev's novels]. *Filologicheskii vestnik Rostovskogo universiteta – Philological Bulletin of Rostov State University*, 2002, no. 2, pp. 19–25 (in Russian).
14. Danneman U. Izobrazheniye nemtsev v tvorchestve Chekhova: dekonstruktsiya stereotipov [Presenting Germans in Chekhov's works: deconstructing stereotypes]. *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova*. Vyp. 2. Epod red. V. B. Kataeva, R.-D. Kluge [Chekhov and Germany. Chekhov Young Researchers. Iss. 2. Ed. by V. B. Kataev, R.-D. Kluge]. Moscow, Lev Tolstoy Publ., 1996, pp. 11–18 (in Russian).
15. Zenkevich S. I. Nemtsy v izobrazhenii N. S. Leskova: povest' "Ostrovityane" [Germans in N. S. Leskov's presenting: story "Islanders"]. *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovaniye*. Otv. red. G. I. Smagina [Germans of St. Petersburg: science, culture, education. Ed. by G. I. Smagina]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2005, pp. 331–338 (in Russian).
16. Konstantinova N. V. Nemtsy i nemetskoye v rannikh proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo (na material povesti "Dvoynyk") [Germans and German in the early works by F. M. Dostoyevsky (on the basis of the story «The Double»)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2014, no. 4, pp. 126–133 (in Russian).
17. Makashin S. A. Za rubezhom [Abroad]. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobraniye sochineniy v 20 t. T. 14* [Collected works in 20 vol. Vol. 14]. Moscow, Khudozhestennaya literatura Publ., 1972, pp. 527–555 (in Russian).
18. Poroshkova I. L. Putevye ocherki M. Ye. Saltykova-Shchedrina "Za rubezhom" v russkoy literature puteshestviy [Travel notes by M. Ye. Saltykov-Shchedrin "Za rubezhom" in the Russian travel literature]. *Tvorchestvo M. Ye. Saltykova-Shchedrina*. Pod red. M. G. Bulakhova, I. T. Ishchenko [Work by M. Ye. Saltykov-Shchedrin. Ed. by M. G. Bulakhov, I. T. Ishchenko]. Minsk, BSU Publ., 1975. pp. 29–53 (in Russian).
19. Tumanov O. N. *Deyatel'nost' russkikh pisateley i publitsistov po formirovaniyu otnosheniya rossiyskogo obshchestva k Zapadnoy Evrope (konets XIX – nachalo XX veka)* [Activity of Russian writers and columnists for forming attitude of the Russian society towards the West Europe (at the

- turn of the XX century)]. Moscow, TsMIK Publ., 2010. 236 p. (in Russian).
20. Wirwas U. Der Knabe in Hosen und der Knabe ohne Hosen. Deutsche und Russen aus der Sicht des Satirikers Michail Saltykov-Šchedrin. *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. Hrsg. von D. Herrmann. München, Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 459–487.
 21. Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Posledniye gody. 1875–1889. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. Last years. 1875–1889. Biography]. Moscow, Khudozhestennaya literatura Publ., 1989. 527 p. (in Russian).
 22. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobraniye sochineniy v 20 t.* Tom 14 [Collected works in 20 vol. Vol. 14]. Moscow, Khudozhestennaya literatura Publ., 1972. 704 p. (in Russian).
 23. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobraniye sochineniy v 20 t.* Tom 19. Kn. 1 [Collected works in 20 vol. Vol. 19. Book 1]. Moscow, Khudozhestennaya literatura Publ., 1976. 240 p. (in Russian).
 24. Zhdanov S. S. Obraz Berlina v putevykh zametkakh M. E. Saltykova-Shchedrina “Za rubezhom” [Image of Berlin in travel notes by M. E. Saltykov-Shchedrin “Abroad”]. *Nauchnyy dialog – Nauchnyy Dialog (Scientific Dialogue)*, 2018, no. 7, pp. 125–137. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-125-137 (in Russian).
 25. Myatlev I. P. *Sensatsii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za granitseyu, dan l’etrantzhe* [Sensations and comments by madame Kurdyukova abroad, dans l’étranger]. Saint-Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1904. Vol. 2. 357 p. (in Russian).
 26. Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte [Text of the city-virgin and the city-whore in the mythological aspect]. *Issledovaniya po structure teksta* [Works in the text structure]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 121–132 (in Russian).
 27. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison* [Russ. ed.: Fuko M. Nadzirat’ i nakazivat’. Rozhdeniye tyur’m]. Transl. from French by V. Naumov. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.]
 28. Zhdanov S. S. Idillicheskiy obraz Germanii v russkom sentimentalizme rubezha XVIII–XIX vekov (na materiale proizvedeniy N. M. Karamzina i F. P. Lubyanskovskogo) [Idyllic image of Germany in Russian sentimentalism at the turn of the XIX century (based on N. M. Karamzin’s and F. P. Lubyanskovskiy’s works)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2018, no. 2, pp. 53–66. DOI 10.17223/18137083/63/5 (in Russian).
 29. Zhdanov S. S. Nemetskost’ kak voploshcheniye poryadka v russkoy literature: ot N. V. Gogolya do S. Chernogo [Germanness as implementation of order in Russian literature: from N. V. Gogol to S. Chorny]. *Vestnik SGUGIT – Vestnik of SSUGT*, 2015, no. 2, pp. 151–163 (In Russian).

Zhdanov S. S., Siberian State University of Geosystems and Technologies (ul. Plakhotnogo, 10, Novosibirsk, Russian Federation, 630108). E-mail: fstud2008@yandex.ru